

А.В. Карташев, И.А. Стратонов

Русская церковная смута 1921 – 1931 гг.

АНТОН Карташев

**Русская церковная
смута 1921-1931 гг.**

Православное издательство "Сатисъ"

1900? 1932

Карташев А. В.

Русская церковная смута 1921-1931 гг. / А. В. Карташев —
Православное издательство "Сатись", 1900? 1932

ISBN 5-7373-0094-3

По благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА В книге рассказывается о сложном периоде в жизни
Русской Православной Церкви, отмеченным появлением обновленчества и
«живоцерковничества», разрушающими единство тела церкви внутри страны
(СССР) и «карловацким» расколом, приведшим к образованию РПЦЗ.

ISBN 5-7373-0094-3

© Карташев А. В., 1900? 1932

© Православное издательство
"Сатись", 1900? 1932

Содержание

А.В. Карташев	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А.В. Карташев, И.А. Стратонов

Русская церковная смута 1921–1931 гг.

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2006

* * *

Сщмч. Тихон, Патриарх Московский и всея Руси

А.В. Карташев Временное Правительство и Русская Церковь

I.

Эпоха Временного правительства России 1917 г. была только прологом ко всем ужасам большевизма, терзающим Россию вот уже второе десятилетие. Поэтому очень многие русские рассматривают эти быстро промелькнувшие 8 месяцев первого революционного правительства исключительно в мрачном свете и не хотят признать в них ничего положительного, ничего светлого. Величайшие страдания Родины от революции и острые личные страдания лишают людей всякого беспристрастия. А между тем нечто положительное и светлое в деяниях Временного правительства должно быть признано и, конечно, будет признано спокойным и объективным судом истории. И это положительное относится по преимуществу к судьбе Русской Церкви.

Все другие деяния Временного правительства погибли и рассеялись как дым. И только **одно его дело: внутреннего освобождения церкви, даже под внешним порабощением большевиков, устояло. Под эгидой Временного правительства и с его помощью Русская Православная Церковь вернула себе присущее ей по природе право самоуправления по ее каноническим нормам.** Государственное Учредительное собрание не удалось и было разогнано большевиками. А Церковное Учредительное Собрание (т. е. первый поместный Собор), благодаря сочувствию Временного Правительства, успело собраться и сделать свое главное дело: **восстановить канонический строй церковного самоуправления с патриархом во главе.** Для всякого учреждения существенно важен его правомерный строй. В правомерности его формальное здоровье, обеспечивающее правильность его функций. Для церкви ее канонический строй есть сугубая ценность. Он не только гарантирует ее внешнюю и внутреннюю свободу, но и силу ее мистических действий. Нарушение канонического строя причиняет глубокие страдания совести членов церкви, ибо порождает сомнения, подлинна ли, истинна

ли, спасительна ли в мистическом смысле та видимая церковь, к которой принадлежат данные, может быть самые религиозно добросовестные лица. Этих страданий не поймут люди внецерковные. Они понятны лишь изнутри церкви.

Но канонический строй свободного, соборного самоуправления, в данную историческую минуту, для Русской Церкви имел и **чрезвычайное утилитарное значение**. Он ее спас, насколько это возможно было среди наступившей катастрофы, от грозившего ей глубокого и внешнего и внутреннего распада. Если бы не новая конституция церкви, данная ей собором 1917 г., т. е. создание заново до тех пор не существовавшей основной единицы самоуправляющегося церковного прихода, затем образования выборных органов епархиального управления, выборного епископата, таких же высших органов управления, возглавляемых соборно избранным пожизненным патриархом под контролем периодически собираемого собора, – если бы не все это – то гонение, воздвигнутое на церковь коммунизмом, кроме тех внешних потрясений, которые отсюда произошли, грозило бы и внутренне свести ее почти на нет как организацию. Вся предшествующая история русской церкви, как церкви национально-государственной и особенно ее синодального периода, делала ее организационно беззащитной в борьбе за свое существование. Бюрократический строй Духовного Регламента Петра Великого отрывал иерархию от народа и народ от дел церкви. Распыленный и формально бесправный в церковной организации народ (в параллель со своим политическим бесправием при самодержавном строе) был совершенно не подготовлен к организационной борьбе за церковь. Еще более, чем народ, была к этому не подготовлена и даже совершенно беспомощна небольшая группа иерархов в 100–150 человек, всецело зависевшая от назначившей ее государственной власти и потевнявшая вместе с падением этой власти всякую опору¹.

Данные собором 1917 года формы приходской организации и выборности духовенства и епископата в другое спокойное время могли бы, может быть, и не войти так глубоко в жизнь, как это случилось в настоящее героическое время в России. Приходы, например, почти чудесно разрешили ту материальную задачу, перед которой русское правительство два столетия стояло, как перед неразрешимой проблемой. Под бичами и скорпионами большевизма новорожденные приходы, в голодающей и нищей стране, после ограбления всех церковных ценностей, сумели обеспечить культовую жизнь церкви и дать содержание духовенству. Коммунистические законы воспретили нормальное функционирование центральных и епархиальных органов управления, обезглавили церковь, не говоря уже об арестах и ссылках иерархии и всяческом поддержании конкурирующих раскольнических формаций (живая церковь). Несмотря на это, молекулярная интенсивная жизнь церкви бьет живым ключом в скромных приходских ячейках.

Конечно, внутренняя духовная живучесть Русской Церкви, проявленный ею бесспорный героизм мученичества и исповедничества не могли быть даны ей никакой внешней силой и никакими внешними формами со стороны. Как не мог отнять и окончательно угасить этих внутренних духовных возможностей и стеснявший ее свободу старый синодальный строй. Тут проявилась неумирающая сила Христовой веры вообще во все времена и у всех народов, в частности и у религиозно-одаренного русского народа. Но историк обязан с благодарностью признать и учесть, что реформа церкви 1917 г., ничего не прибавляя к внутренним богат-

¹ Эмпирической проверкой вредности для жизни церкви старого синодско-консисторского строя является опыт частей русской церкви, оставшихся за пределами Советской России. Разумею положение православных церквей в новых лимитрофных государствах. Там, где православная церковь (собственно, ее иерархия) сумела перейти к новому, соборному самоуправлению, там она пропорционально сохранила и свою свободу и полноту своей жизни. Более – в Эстонии и Латвии, менее – в Финляндии. Там же, где, как, например, в Польше, православная церковь, благодаря близорукости русских иерархов, воспитанных в понятиях обер-прокурорского строя, наивно потянулась к потерянному в России и сомнительным благам государственного протектората, там православие оказалось внешне обессиленным и по существу гонимым.

ным силам Русской Церкви, дала ей, несомненно, великую помощь и внешнее подкрепление в ее теперешнем тяжелом положении.

Велико значение, помимо всяких утилитарных соображений, устройства церкви на правильных канонических началах, даже если внешнее большевистское насилие и не позволяет их вполне воплотить в конкретных открытых формах. **Великую невесомую ценность** для Русской Церкви в ее нынешнем героическом подвиге составляет ее внутреннее сознание своей **канонической непорочности** и, наоборот, порочности и греховности всех тех единиц, групп и целых частей Русской Церкви, которые, самочинно и беззаконно, не по установленным канонами правилам, отпадали от ее законной центральной власти. Даже не имея во главе своего патриарха, из-за внешнего препятствия со стороны коммунистической власти, Русская Православная Церковь имеет его в своем сердце и в своем добром намерении избрать и вместе с тем развернуть всю полноту своей канонической организованности в первую же минуту внешнего освобождения. Если можно так выразиться, с момента своего восстановления на соборе 1917 года Русская Церковь **полна внутреннего духовного здоровья, полна чувством своей канонической праведности** и святости. Это сознание воодушевляет ее и заставляет забыть обо всех внешних привилегиях прошлого синодального периода, когда лучшие русские иерархи и высоко культурные члены церкви непрестанно воздыхали в тяжких объятиях государственного плена и чувствовали себя очень смущенными под ударами злой критики римско-католиков, упрекавших их в предательстве свободы церкви. Равным образом Русская Церковь, отныне безупречная с точки зрения канонических норм, чувствует себя морально сильной и в неразрешенном еще каноническом вопросе о закономерности процесса отделения от нее ее бывших частей. Как Церковь-мать, она имеет бесспорное право произнести окончательный, ей по канонам принадлежащий суд над этими отделениями и дать всем неправильностям в нужных случаях любовную амнистию. Прежняя, неправильно устроенная и несвободная, Русская Церковь старого режима этого суда морально не в силах была бы произнести.

Есть ли, однако, во всех этих благих последствиях для церкви какая-нибудь действительная **заслуга** Временного правительства, прямая или косвенная? **Несомненно, есть.** Ломка старого церковно-правительственного строя и замена его новым, если бы она совершилась даже и вне политической катастрофы, все равно должна была бы причинить немало боли иерархическим лицам, занимавшим привилегированные посты в прежнем административном аппарате Церкви. К этому при революции присоединился еще взрыв веками накопленного недовольства низших клириков против высших. Все эти неприятные переживания некоторых элементов Церкви проистекали из переворота, как такового, а не из программы, намерений и воли Временного правительства.

Программа Временного правительства в отношении Церкви была и не могла не быть отражением широких либеральных течений **общественного мнения**, ибо этими средними элементами Государственной Думы и было выдвинуто это правительство. В ней не было ничего нового и радикального. От повторений в течение двух-трех предыдущих десятилетий эта программа стала прямо шаблонной и общеизвестной. А именно: а) свобода религиозной совести для всех исповеданий (с включением и свободы пропаганды), б) свобода соборного самоуправления для Православной Церкви, в) упразднение государственной опеки обер-прокурора над Церковью, но, конечно, упразднение и некоторых привилегий Православия в смысле его полицейской защиты от сторонней пропаганды. **Эти идеи** и положения были давно уже сформулированы **самими церковными кругами**, даже высшими правящими кругами, например митрополитом СПб Антонием в начале 1905 г. и **даже самим св. Синодом** (вопреки желанию обер-прокурора Победоносцева), когда, под давлением первой революции, Государь Николай II соглашался было немедленно собрать собор.

Если бы Великий князь Михаил Александрович не совершил 3 марта 1917 г. акта отречения от трона, то и данная церковная программа осуществлена была бы и передана с печатью

царского авторитета на утверждение Учредительного Собрания. Но царская власть сама ушла с горизонта политической борьбы. Исчезла та форма государственной власти, которую Русская Церковь, согласно своим византийским традициям, помазывала св. миром при короновании и допускала в качестве уже не светской, а освященной Церковью силы, к соучастию во внутреннем управлении церковными делами совместно с иерархией. Новое революционное правительство, не миропомазанное Церковью (т. е. уже не «Милостию Божиею», а «волею народа»), не могло и не должно было оставаться в прежних конфессионально тесных отношениях к Православной Церкви. Оно обязано было мыслить себя как власть **только светскую**, принципиально **вневероисповедную**. И лишь как правительство русское, национальное, оно должно было отнестись к Православной Церкви, как к **исторически первенствующей** среди других исповеданий в русском государстве. Иная правовая точка зрения ему просто не приличествовала. Так себя Временное Правительство сознавало и так себя и вело.

II.

Достаточно ли сознательно и тактически твердо вело свою линию Временное Правительство? Приходится признать, что нет, особенно вначале. Революции не делаются по плану. Застигнутые революцией врасплох члены думских партийных фракций выдвинули в правительство своих наиболее представительных политически или наиболее активных по специальностям членов. Председателем думской комиссии по церковным делам в то время состоял член партии октябристов В.Н. Львов. Он, как «церковник», почти автоматически и взят был в правительство для управления делами Православной Церкви по программе вышеуказанной и общеизвестной. Человек хотя и бурного темперамента, В.Н. Львов все-таки консервативно смотрел на формы своей деятельности. Принадлежа к помещичьему классу, он имел основания издавна мечтать сделаться обер-прокурором Св. Синода. Когда эта мечта внезапно осуществилась, В.Н. Львов не имел достаточно политического воображения и политического радикализма, чтобы расстаться с возжеланным титулом обер-прокурора и его подавляющей властью над архиереями. А расстаться с этим титулом и с этой властью было нужно. Сохранение этого титула и его полномочий было **недосмотром и тактической ошибкой Временного правительства**. Ненавистная и прежде фигура обер-прокурора потому только и принималась иерархами и церковным мнением, что она была личным органом царской власти, самой же церковью миропомазанной и признанной к церковным делам. Обер-прокурор, назначающий и изгоняющий епископов и самый Св. Синод в качестве органа светского, внеконфессионального правительства – это *ponsens* и каноническая обида для Церкви. И этот *ponsens* был допущен. Лично В.Н. Львов к этому еще прибавил остроту своей вражды к епископам – друзьям Распутина. Он их с шумом арестовал и изгонял, задевая тем больно самолюбие епископата и прежнего, еще царского, состава Св. Синода, с которым он бесплодно проработал полтора месяца, до половины апреля, находясь в самых натянутых отношениях, после чего все-таки вынужден был его распустить и пригласить новый состав Св. Синода.

Когда в конце марта В.Н. Львов пригласил в качестве товарища обер-прокурора пишущего эти строки на основании моей либеральной репутации, как председателя СПб религиозно-философского общества и публициста по церковным вопросам, я начал развивать перед ним свой тактический план, который сводился к следующему.

С момента отречения Императора и упразднения императорской власти, в России принципиально упразднились и все основные законы и все учреждения, созданные волеизъявлением исчезнувшей верховной власти. Вся верховная конститутивная власть на время до Учредительного Собрания перешла к Временному Правительству, которое своими декретами вынуждено неограниченно творить законы, учреждения и акты управления. Все старые законы и учреждения существуют лишь по инерции, до момента, пока Временное Правительство

не объявит их замененными новыми. В прямых интересах новой власти, ради ее престижа и популярности, декларировать исполнение издавна сформулированных общественным мнением политических и культурных стремлений различных классов населения. И она декларировала и в общей форме и по конкретным поводам все демократические свободы: веры, слова, печати, собраний, союзов. Декларировала полную государственную независимость Польши, восстановление конституции Финляндии, автокефалии грузинской Церкви. Недоставало аналогичной торжественной декларации в отношении Православной Церкви. Из заявлений обер-прокурора все знали, что Церковь отныне призвана готовиться к собору и свободному каноническому самоопределению. Но нужно было бы в первые дни переворота и именно торжественно и *expressis verbis* декларировать то, что само собою разумелось, но большинством не сознавалось, т. е. что вместе с самодержавной властью пал и созданный ею Духовный Регламент Петра I – этот символ порабощения Церкви государством, – а за ним **еще более тяжелый символ того же порабощения – синодская обер-прокуратура**. Это прозвучало бы для Русской Церкви пасхальным благовестом и сердца многих приверженцев старины привлекло бы на сторону нового грядущего порядка. Это было бы обязательно убедительным доказательством благожелательности к Церкви новой власти, что было неясно для масс. И во имя этой ясно засвидетельствованной благожелательности и иерархи и ревнители старого положения Церкви легче бы перенесли ту «каноническую обиду», которую они чувствовали от присутствия в церковных делах властной руки нецерковного Правительства. Между тем не присутствовать здесь рука новой власти не могла. Революция потому и есть революция, что по чьей-то вине потеряна возможность эволюционного перехода от старого к новому и созданся неизбежный **прерыв легальности**. В доброй воле людей лишь **смягчить его**. Светская **«немиропомазанная»** власть не имела морального права сразу бросить Церковь и уйти из нее из того положения, в котором с некоторым каноническим правом находилась власть царская. Во имя помощи и облегчения самой Церкви в переходе ее от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю Временному Правительству нужно было как бы «нелегально» остаться на время внутри церковно-правлящего аппарата и продлением по существу прежних обер-прокурорских полномочий акушерски помочь рождению соборной реформы Церкви. Ибо только такой «хирургией» можно было ускорить ликвидацию тяжелого наследия старого строя. Этим наследием было умонастроение епископов-ставленников обер-прокурорской власти, в большинстве враждебных соборности и неспособных к ней. А потому необходимо было, вслед за декларированием конца синодального и обер-прокурорского строя, тотчас же назвать представителя Государства в Церкви новым именем «Высокого комиссара по делам Православной Церкви» или «Министра Исповеданий». Новый министр должен был бы по телеграфу объявить, что созданное не Церковью, а павшей государственной властью церковное правительство, перестало существовать, и на его место самой Церковью, через собор, должно быть создано чисто церковное правительство. Пока же для подготовки к собору должен быть создан голосами одних епископов «Временный Священный (не Святейший – это титул патриарший) Синод», в параллель «Временному правительству». Епископы должны были телеграфно указать семь имен из черного и белого духовенства в члены Временного Синода. Срочный ответ исключил бы возможность саботажа или срыва, и, на основании хотя бы половины полученных ответов, церковный министр мог бы подобрать и вызвать для заседаний, вместо распущенного старого, новый временный орган управления. Так была бы **смягчена неизбежная доля нелегальности** в акте Временного правительства и устранена «каноническая обида» иерархии, в значительной мере лицемерно-искусственная или наивная, ибо распущенный Св. Синод был не церковным учреждением. Государственная власть создала его; она же имела право и упразднить его. И это уже вина самой иерархии, что она беззаботно поверила в вечность назначившей ее государственной власти, и не подготовила никакой чисто церковной базы для своего правящего органа. Этим бездействием она **вынудила** новую светскую власть к

некоторым необходимым действиям во внутреннем ходе церковных дел. Все это не было сделано в первые, самые благоприятные для нового творчества, дни переворота. Но еще не поздно было это сделать и месяц и два спустя.

В.Н. Львов, не входя в интерес и во вкус моих мыслей, но и не отрицая их, порекомендовал мне убедить в этом главу Временного Правительства, князя Г.Е. Львова и его помощников по министерству внутренних дел. Но ни князь Львов, ни его товарищи Д.М. Щепкин и Г.А. Алексеев, подавленные до утомления тревогами их бурного министерства, не вняли моим советам. Кн. Львов откровенно признался, что он боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто Временное правительство «насилует Церковь». Я подал все-таки об этом письменный меморандум; может быть, он и сохранился где-нибудь в архивах эпохи Временного правительства. От этой инертности положение Временного правительства перед Церковью, однако, не улучшилось, а ухудшилось. Старый Синод под председательством консервативного митрополита Киевского Владимира не хотел работать вместе с обер-прокурором Львовым по подготовке и ускорению Собора и срывал все его предложения. Между тем широкое церковно-общественное движение шло навстречу планам обер-прокурора и подозревало в данном составе старого Синода негласный орган старорежимной иерархии, враждебной собору. Учитывая все это, В.Н. Львов решил, наконец, в начале апреля с запозданием сделать то, что следовало сделать в первую же горячую минуту. Он распустил прежний состав Синода и вызвал новый, из епископов и протоиереев, готовый работать на ускорение и созыв собора из всех элементов Церкви, включая и мирян. Председательство в новом составе принадлежало экзарху Грузии Платону, ныне митрополиту русских церквей в Северной Америке. Новый Синод по-прежнему носил название Святейшего, по-прежнему молчаливо признавался как бы действительным Духовный Регламент и по-прежнему эти перемены были произведены в рамках прежних полномочий царского обер-прокурора. Но без царской власти все эти акты носили острый привкус «нелегальности», которую не сумел свести до минимума консерватизм обер-прокурора В.Н. Львова и Председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Старо-монархические и обиженные в иерархии элементы за это громко, хотя и неубедительно, провозглашали В.Н. Львова «гонителем Церкви». Фальшь и политическая психология этих обвинителей отчасти изобличалась непрерывной волной съездов духовенства и мирян по всем епархиям, урегулированных новым Синодом в правильные епархиальные съезды. На них раздавались единодушные приветствия программе революционного обер-прокурора, и именно в нем видело церковное общество защитника собора и обновления строя церковного, а не в своих иерархах. Многие из епархиальных епископов были дезавуированы своими съездами, и новому Синоду пришлось признать необходимым или переводить их, или совсем убирать с кафедр. Новые кафедры объявлены по правилам, декретированным новым Синодом, подлежащими замещению по выборам голосами клира и мирян. Так, в новом выборном порядке возведены были в июне 1917 г. на кафедры Петербургскую и Московскую новые митрополиты-избранники: незабвенный священномученик Вениамин (расстрелян 12 августа 1922 г.) и незабвенный исповедник Тихон, вскоре первый патриарх Всероссийский.

С первых же дней новому Синоду В.Н. Львовым предложено было в помощь по подготовке собора совещание из компетентных и просвещенных сил Церкви по подобию уже двух созывавшихся в 1906–1912 гг. «Предсоборного Присутствия» и «Предсоборного Совещания». Теперь оно названо, по моему предложению, «Предсоборным Советом». В его состав вошел цвет богословской образованности в рясах и без ряс, упорно работавший два месяца, иногда под грохот пулеметов на революционных улицах Петербурга, для подготовки собора.

В виде некоторой как бы репетиции собора, в начале июня в Москве отшумел очень многотрудный «Всероссийский съезд духовенства и мирян». На нем было до 1200 делегатов-добровольцев, желавших манифестировать в пользу готовящейся под покровительством Временного

Правительства освободительной реформы Церкви и осуждавших неподвижность иерархов старого закала.

Но в эту гармонию церковного мнения и программы Временного Правительства врывались и диссонансы. Так, в июне 1917 г. Временное Правительство передало в ведение министерства народного просвещения все школы, содержимые на государственные средства, в том числе и школы церковно-приходские. Это было встречено и в либеральных церковных кругах всеобщим неодобрением и огорчением. Даже новый Синод хлопотал о сохранении церковно-приходских школ или, по крайней мере, их зданий в ведении Церкви. Но Правительство в этом вопросе не могло поступить иначе. Это был один из вопросов, безвозвратно решенных русским общественным мнением. Школы эти созданы были не в чисто церковных, а в политических целях, и не Церковью, а государством, и не на церковные, а на государственные ассигнования. Правда, со временем и духовенство, неохотно встретившее это правительственное начинание, постепенно начало привязываться к нему и затрачивать на школы часть церковных средств. Но светское внеконфессиональное правительство не могло впредь ассигновать очень крупных сумм на эти школы, предоставляя Церкви свободу создавать заново свои чисто церковные, без политических целей. Правительство в этом вопросе не уступило и несколько позднее, когда явилась к нему делегация самого открывшегося в августе собора, квалифицируя весь этот вопрос как чисто политический и только по недоразумению воспринимаемый духовенством как вопрос будто бы религиозный.

III.

Отказ в ассигнованиях на приходские школы старого типа был только частичным осуществлением принципа новых отношений светского вневероисповедного правительства и Церкви. Новая власть через свою обер-прокуратуру предупреждала церковное общество, что впредь **отношения государства к православной церкви и другим исповеданиям** будут строиться под руководством начала отделения церкви и государства, хотя бы и не в его чистой абстрактной форме. Ежегодные ассигнования в смету св. Синода из государственного казначейства в количестве 55 миллионов рублей (половина бюджета церковного ведомства) должны почитаться временными. Церкви выгоднее для защиты своих позиций и независимости в Учредительном Собрании теперь же, с момента Собора, переходить на собственные средства. Поэтому все издержки по собору были спроектированы новым синодом всецело из сумм синодальной казны. В дополнение к этому Временное правительство выдало на организацию собора лишь скромную сумму в один миллион рублей в том же порядке, как оно выдавало пособия и на другие съезды, например на съезд учителей.

Новая система отношений Церкви к Государству и общественному мнению и подавляющему большинству деятелей Предсоборного Совета мыслилась **давно желанным освобождением церкви** от унижительной и дух убивающей синодско-консисторской формы зависимости от светской власти. Но радикальное проведение отделения церкви от государства также мыслилось с церковной стороны неприменимым к России, несоответствующим исторической роли православия и вредным для общественной морали. Комиссия Предсоборного Совета, обсуждавшая этот коренной вопрос, состояла из выдающихся русских канонистов (теоретиков и практиков) и профессоров государственного права. Некоторые из них принадлежали к партии конституционно-демократической, и большинство ей сочувствовало. Неудивительно поэтому, что и в программу этой культурнейшей партии, пересмотренную на партийном съезде в Москве (июль 1917 г.), были внесены вновь разработанные пункты о взаимоотношениях церкви и государства, по существу и даже по букве совпадавшие с тем, что сформулировано было и на Предсоборном Совете в С.-Петербурге. Проф. С.А. Котляревский, член партии к.-д., работал над вопросом в Предсоборном Совете и сообщал о результатах сочлену по партии

проф. П.И. Новгородцеву, человеку церковно-настроенному, работавшему на съезде в Москве. П.И. Новгородцеву, с его авторитетом, и принадлежит создание этого совпадения либеральной политической мысли с законопроектом церковных кругов.

Вот проект основных положений по данному вопросу, принятый Предсоборным Советом 13 июля 1917 г. Он еще должен был поступить на рассмотрение Собора и уже в исправленном виде быть внесенным в Учредительное Собрание.

«В русском государстве Православная Церковь должна занимать первое, среди других религиозных вероисповеданий, наиболее благоприятствуемое в государстве, публично-правовое положение, приличествующее ей, как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности, а также религии большинства населения. В соответствии с признанной в новом государственном строе России свободе религиозной совести и вероисповеданий, Православная Церковь должна обладать этой свободой во всей ее полноте. Эти основные начала должны быть выражены в следующих положениях: 1) Православная церковь в России в делах своего устройства, законодательства, управления, суда, учения веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и внешних сношений с другими церквями независима от государственной власти (автономна). 2) Постановления, издаваемые для себя Православной Церковью в установленном ею самом порядке, со стороны государства признаются нормами права, имеющими со времени опубликования их церковной властью обязательное значение для всех лиц и установлений, принадлежащих к Православной Российской Церкви, находящихся как в России, так и за границей. 3) Действия органов Православной Церкви подлежат надзору государства исключительно в отношении их соответствия законам государства; причем эти органы ответственны перед государством только в судебном порядке... 10) Двенадцатые праздники, воскресные и особо чтимые Православной Церковью дни признаются государственной властью неприсутственными днями. 11) Глава русского государства и министр исповеданий должны быть православными. 12) Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь... 17) Православная Церковь получает из средств государственного казначейства ежегодные ассигнования в пределах ее действительных потребностей, под условием отчетности в полученных суммах на общем основании».

Это, конечно, не система «отделения» церкви от государства, а лишь система «отдаления» двух сторон друг от друга на такое расстояние, которое давало бы и Церкви свободу и Государству позволяло быть светским, а не односторонне конфессиональным. Разумеется, этот проект мог еще несколько «клерикализироваться» на Соборе и значительно «секуляризироваться» в Учредительном Собрании, но в основе своих идей он все же оставался бы **системой взаимной независимости соборной Церкви и правового Государства при их моральном культурном сотрудничестве**. Система, о которой ранее не думало русское освободительное и революционное движение, устами и либералов и социалистов провозглашавшее голый лозунг «отделения Церкви и Гоударства», без попытки его раскрытия.

Этот идеал не был односторонним мечтательством церковно-общественной среды. Ему **навстречу** шло и текущее **законодательство** других полномочных органов **Временного правительства**, проводивших в жизнь **ту же идеологию**. И это понятно даже с точки зрения личных влияний. Во главе Департамента духовных дел инославных исповеданий в министерстве внутренних дел стоял член Предсоборного совета проф. С.А. Котляревский. Под его руководством здесь шло реформирование всего религиозно-гражданского законодательства. Отсюда вышел радикальный закон Временного правительства 14 июля 1917 г. о снятии всяких гражданских ограничений и преимуществ в связи с вероисповедным состоянием, т. е. закон о свободе перехода из одного исповедания в другое и о выходе из всякого исповедания, или о свободе веры и неверия, с узаконением впервые в России вневероисповедного гражданского

состояния. С другой стороны, отсюда же в начале июля 1917 г. вышел сравнительно консервативный законопроект, применявший уже указанный принцип **культурного сотрудничества** Государства и Церкви ко всей сфере вероисповедных отношений. Законопроект гласил:

1) «Каждая признанная государством церковь пользуется полной свободой и самостоятельностью во всех своих делах, управляясь по собственным своим нормам, без всякого прямого или косвенного воздействия или вмешательства государства. 2) Органы церкви находятся под надзором государственной власти лишь постольку, поскольку они осуществляют акты, соприкасающиеся с областью гражданских или государственных правоотношений, каковы: метрикация, бракосочетание, развод и т. п. 3) По делам этого рода надзор государственной власти ограничивается исключительно закономерностью действий органов церкви. 4) Органом такого надзора является министерство исповеданий. Окончательное разрешение дел о незаконности действий церковных органов принадлежит правительствующему Сенату, как высшему органу административной юстиции. 5) Государство участвует ассигнованием средств на содержание церквей, их органов и установлений. Средства эти передаются прямо церкви. Отчет по израсходованию этих средств сообщается соответствующему государственному установлению».

Ясно отсюда, что Временное Правительство шло в Учредительное Собрание с системой не отделения, а сотрудничества Церкви и Государства.

IV.

В половине июля Временное правительство подверглось реконструкции. Оно поледело. Во главе его встал социалист А.Ф. Керенский, и из него должны были выйти члены партии «октябристов», в числе их и В.Н. Львов. На его место в состав правительства приглашен был пишущий эти строки по признаку принадлежности к партии ка-де. До сих пор беспартийный, я только что в июне месяце был, по настойчивой просьбе членов этой партии, записан в нее ради выборов в Учредительное Собрание, как специалист по церковным вопросам. Министерство наше составилось 25-го июля. Я вошел с проектом упразднения обер-прокуратуры Синода и создания общего Министерства Исповеданий. 12 дней я еще носил столь памятное в истории Русской Церкви имя обер-прокурора и, наконец, безболезненно похоронил его, превратившись в министра исповеданий. Положение об учреждении министерства исповеданий было вчерне спроектировано по моему заданию в Синоде опытными чиновниками П.В. Гурьевым и С.Г. Рункевичем, преимущественно последним. Но когда я его лично привез в Мариинский дворец, в нашу законодательную лабораторию, в так называемое «Юридическое совещание» при Временном правительстве, где сидели такие наши блистательные юристы, как В.Д. Набоков и барон Б.Э. Нольде, то проект принял следующий сжатый и дельный вид:

«Для заведывания делами всех вероисповеданий учреждается министерство исповеданий. 2) В это министерство передаются: а) дела, касающиеся ведомства православного исповедания, *временно в том объеме*, в каком они подлежат, по действующим законам, компетенции обер-прокурора св. Синода, и б) дела инославных и иноверных исповеданий, составляющие, по закону, предмет ведения министерства внутренних дел по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. 3) Должности обер-прокурора св. Синода и товарища обер-прокурора упраздняются. В составе министерства учреждаются: министр исповеданий и два товарища министра. 5) Министр исповеданий в отношении дел, предусмотренных статьей 2-й, соединяет в своем лице *временно* всю полноту власти обер-прокурора и министра внутренних дел по принадлежности, *впредь до утверждения, в законодательном порядке, выработанных* всероссийским поместным *собором реформ* церковного управления и коренного пересмотра отношений русской государственной власти к исповеданиям при новом строе».

Помню, как в Малахитовом зале Зимнего Дворца, где происходили тогда заседания Правительства, числа 1 или 2 августа я поднес на подпись министру внутренних дел Н.Д. Авксентьеву бумагу о передаче из его ведомства «департамента духовных дел инославных исповеданий» в новое министерство исповеданий и как он охотно подписал ее, со словами: «Пожалуйста, берите, с полным удовольствием!»

В таком преображенном виде власть Временного правительства предстала пред великим и долгожданным событием в Русской Церкви – пред открывшимся в Москве 15 августа 1917 г. Всероссийским Собором. На торжественном богослужении в Успенском соборе присутствовали, кроме министра исповеданий, еще: министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев и премьер-министр А.Ф. Керенский, который затем шел по Кремлю вслед за крестным ходом среди давки толпы, символизировавшей этим беспорядком полицейское безвластие Временного правительства. Все это было манифестацией благожелательности Временного правительства к Православной Церкви.

На первом парадном заседании Собора в обширном Храме Христа Спасителя от лица Правительства, в роли министра исповеданий, я принес нижеследующее приветствие-декларацию, в которой старался выяснить и принципиальную и деловую благожелательность новой власти к делам церкви, приглашаемой к законодательному творчеству и совместному с Временным Правительством преобразованию конституции России:

«Временное правительство поручило мне заявить освященному Собору, что оно гордо сознанием – видеть открытие Его церковного торжества под его сенью и защитой. То, чего *не могла дать* русской национальной церкви *власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое правительство*, обязанное насадить и укрепить в России истинную свободу. Временное правительство видит в настоящем Соборе не обычный съезд частного сообщества, каких теперь несчетное число; оно видит в Соборе Русской Православной Церкви **полномочный орган церковного законодательства**, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений церкви к государству. Временное правительство сознает себя, впредь до выработки Учредительным Собранием новых основных законов, стоящим в *тесной близости к делам и интересам Православной Церкви*. В своем составе оно до сих пор имело обер-прокурора св. Синода Русской Православной Церкви (а не иных каких-либо исповеданий). И если недавно упразднена эта должность (но не упразднены до времени ее права и обязанности), то только потому, что, в виду Церковного Собора, правительство не желало, ради символики утверждаемой им свободы церкви, сохранять это имя, ставшее, по мнению церковного общества, синонимом тяжелой зависимости церкви от государства.

Временное правительство ждет той минуты, когда Собор представит ему новый план церковного управления, и тогда оно с готовностью упразднит в круге полномочий своего министра исповеданий его обер-прокурорские права и обязанности по делам внутреннего церковного управления, оставив за ним более внешний надзор за закономерностью. Ожидая от Собора законодательных предположений, касающихся преобразований церковного управления, Временное правительство полагает, что впредь до принятия им этих предположений все прежние правящие установления Русской Церкви, к учреждению коих государственная власть приложила печать своей санкции, остаются в полной силе их действия и не могут быть поколеблены без внесения в область управления церковно-государственных отношений беспорядка и анархии. Не желая этого ни Церкви, ни Государству и утверждая публично-правовые полномочия Собора, Временное Правительство 11-го сего августа приняло следующее постановление в двух пунктах: 1) Предоставить открывающемуся 15-го сего августа в Москве Поместному Собору Всероссийской Церкви выработать и внести на уважение Временного Правительства

законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви. 2) Сохранить впредь до принятия государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении Св. Правительствующего Синода и состоящих при нем установлений».

Через эту декларацию Временное Правительство вновь подчеркивало, что оно идет на суд Учредительного Собрания не только с идеей Кавура – *libera chiesa in stato libero*, но и с дополнением ее идеей культурного сотрудничества государства и церкви.

Тогда же от лица нового, выдвинутого революцией, муниципального управления Москвы выступал с приветствием Собору Городской Голова В.В. Руднев. Высказывая горячие пожелания успеха в предстоящем Соборе деле устройства отныне свободной церкви, В.В. Руднев сказал, между прочим: «Источники религиозного одушевления вечны... и пока жив русский народ, жива будет в нем и вера православная». Целый фонтан озлобленных ругательств по адресу этого «социал-предателя» был извергнут на другой день московской большевистской газетой за столь «реакционное» слово на столь «реакционном» собрании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.